

Наталья
КОРНИЛОВА

ПАНТЕРА

Все как в кино

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЭКСМО

Пантера

Наталья Корнилова

Все как в кино

«ЭКСМО»

2002

Корнилова Н. Г.

Все как в кино / Н. Г. Корнилова — «Эксмо», 2002 — (Пантера)

Ожидание смерти хуже самой смерти. Снова судьба поставила Марию, сотрудницу детективного агентства, на грань небытия, она опять оказалась в шаге от гибели. На этот раз ей предстоит сразиться с порнобароном Джино и его кровавой командой. Мария недооценила противника и угодила в западню: в мрачном подвале, прикованная наручниками к стене, она должна разделить участь тех, кто до нее попадал в это подземелье... Но хищная пантера, живущая и дремлющая до поры до времени в подсознании Марии, не собирается покорно ждать своего последнего часа...

© Корнилова Н. Г., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталья Корнилова

Все как в кино

Глава 1

Это лето кончилось для меня, так и не начавшись. Тщетно я строила планы курортного отдыха: мой босс так загрузил меня работой, что нечего было и думать, чтобы вырваться из железных тисков необходимости.

А необходимость была самая что ни на есть жестокая: приходилось выполнять обязанности не только секретаря, но и мобильного детектива, который должен поспевать в сборе информации сразу по трем неотложным и важным расследованиям.

Когда же наконец все утряслось и я, ощутив в кармане приличный гонорар за хлопоты, подняла глаза от грешной земли и посмотрела на небо, картина была самая неутешительная: безупречно голубая августовская лазурь куда-то исчезла, и наползли угрюмые, серые и грязные, как штаны поселившегося в канализационном люке знакомого бомжа Виктора Семеныча, тучи. Небо закисло, просочилось самым мелким, дрянненьким и убойно-депрессивным дождиком, какой только можно себе представить.

И я поняла, что мне даже не хочется смотреть в окно, потому что «за окном сентябрь провода качает, за окном с утра серый дождь стеной...».

Конечно, я не была склонна к сезонным депрессиям, но именно в этот момент – после бурной деятельности, оказавшись в каком-то глупом, надуманном вакууме, который невозможно разрядить даже с помощью немалых денег, – как раз в этот момент более чем когда-либо я могла захандрить.

Сплин, одним словом, как звучно именуют это настроение англичане.

Мой же босс, свет ясен месяц Родион Потапович, был как всегда самоуглублен и безмятежен, словно младенец. Кстати, о младенцах: жизненные приоритеты Родиона Потаповича распределялись таким образом, что большая часть его времени и забот, а равно и мыслительных потуг приходилась на долю его малолетнего сына Потапа. Сначала это меня забавляло, но потом, когда я видела босса не иначе как с кипами памперсов и пеленок, буквально бредившего покупкой какой-то чудо-коляски с турбонаддувом и автоматическим катапультированием (шутка, но не очень далекая от истинного положения вещей), все это начало раздражать.

К тому же я поняла, что идея назвать сына в честь покойного батюшки моего шефа не то чтобы неудачна, а даже – на редкость идиотская.

Это надо же дать ребенку такое имечко: Потап Родионович! К этому милтому имени-отчеству еще присовокупить какую-нибудь фамилию типа Толстопузов или Грицацуев-Дорогобужский, и все работники по анкетному профилю начнут акции массовых увольнений!

Дескать, гражданин, что за издевательства вы пишете в графе Ф. И. О.?

Это бедному мальчику еще предстоит. А пока его довольный родитель сидит в своем кабинете и чешет в своей полифункциональной, многопрофильной, с удвоенным против обычного количеством мозговых извилин, репе и думает: что бы еще такое прикупить для ненаглядного дитяти? А вслух формулирует это следующим образом:

– Кажется, Тапику-то недостает. Что же я мог упустить из виду?

Тапик – это сокращение от имени Потап. Какое имечко, такое и сокращение. Тапик... тапочка.

Хотя мой босс может выкроить вот такую собачье-обувную кличку из самого пышного и торжественного имени. Не сомневаюсь, что если бы ребенка назвали в честь матери, Валентины, – Валентином, Родион Потапыч сократил бы это звучное имя до какого-нибудь Валенка.

...Но достаточно брызгать желчью. По всей видимости, у меня просто начинали проявляться черты опасного синдрома, в просторечии именуемого кризисом среднего возраста. Это когда человек все еще молод, но уже вышел из нежных годов и теперь анемично завис где-то в районе «тридцатки». Возраст вроде бы уже и существенный, а все еще ничего не достигнуто, не обозначены конечные цели и четкие жизненные ориентиры. Не успокаивает и относительное материальное благополучие: юношеский максимализм еще не утрачен, и хочется гораздо большего, нежели прозябание в конторе или даже самая активная, но куда как прозаичная деятельность.

Я еще не приблизилась к тридцати. О возрасте женщины говорить не принято, но все же, все же... Двадцать шесть. Двадцать шесть.

Возраст как раз для того, чтобы попытаться вырваться из привычного и успешного уже обрыднуть заурядного течения жизни. Господи... а еще так много нужно сделать, потому что все, абсолютно все не устраивает меня: и работа, активная или сопряженная с сидением в конторе, и тренировки, призванные сохранить мою физическую форму (бассейн, тир, тренажеры и все прочее).

И личная жизнь. Которой, по сути, нет.

Меня все не устраивает... даже зеленая пальмово-лиановая растительность в офисе. Да и сам этот офис... нарочно не придумаешь. Вавилонская башня, которую выстроили на месте бывшей трансформаторной будки. Небоскреб в миниатюре, занятый и под офис, и под жилплощадь. Надо сказать, что один мой знакомый сказал: офис Родиона Потапыча похож на самого хозяина – высокий, тощий, нескладный и нелепый. Пусть и уютный внутри, как Родион Потапыч – умный.

Я подняла глаза на большую пальму, стоявшую в кадке слева от входа в офис, и как раз в этот момент в дверь позвонили. Я перевела взгляд на экран видеофона и увидела этого самого посетителя, который прервал мои невеселые размышления. Точнее, не посетителя, а посетительницу.

– Добрый день, – произнесла я. – Детективное агентство «Частный сыск». У вас к нам дело?

Женщина подняла глаза, некоторое время смотрела невидящим взглядом в глазок камеры внешнего наблюдения, а потом произнесла приятным, чуть хриловатым голосом:

– Да.

Когда она вошла в приемную, первое, что бросилось мне в глаза во всем ее облике, – совершенно белое лицо.

При этом оно не выглядело болезненным или смертельно бледным. Просто, наверно, пигментация такая. Ведь бывают же люди-альбиносы: очень светлая кожа, белые волосы и красноватые глаза.

Все перечисленные характеристики в точности подходили к описанию гостыи.

Она выглядела лет на сорок, быть может, даже на тридцать семь – тридцать восемь. Но, приглядевшись к ней повнимательнее и поймав взгляд ее тусклых, маловыразительных глаз с вялым оловянным отблеском, я поняла: посетительница гораздо старше.

Наверно, ей за пятьдесят.

– Я хотела бы поговорить с директором... с... – По всей видимости, она затруднялась подобрать слово для поименования моего шефа, но все же нашла – С вашим начальником.

– Одну минуту, – сказала я. – Родион Потапыч, к вам посетительница. Как вас представить? – подняла я глаза на женщину.

– Ирина Романовна, – ответила та. – Ирина Романовна Кравцова.

– Как? Кравцова? – переспросила я. – А вы, случайно, не...

– Случайно – да, – отозвалась потенциальная клиентка. – Это мой муж.

Даже при такой недоговоренности мы обе прекрасно поняли друг друга. Марк Олегович Кравцов был видным бизнесменом, одним из руководителей крупной нефтяной компании, головной офис которой находился в Москве.

Примерно две недели назад Кравцов умер. Нет, не такой смертью, которая почти традиционно уготована многим видным коммерсантам. Его не застрелили из снайперской винтовки, не взорвали пластиковой взрывчаткой и не замучили в каком-нибудь грязном подвале утюгом или паяльником...

Его нашли мертвым в собственной машине. У Кравцова было слабое сердце, и при вскрытии врачи констатировали смерть от его остановки. Да, вот так просто – сердце отказалось работать, остановилось, и жизнь ушла из тела. Спокойная, безболезненная, милосердная кончина.

* * *

Когда через минуту Ирина Романовна сидела в кабинете Родиона, я спросила с максимальной осторожностью:

– Насколько я знаю, ваш муж...

– Да, он умер своей смертью, – перебила она меня, фактически угадав то, о чем я хотела ее спросить. – И то, с чем я пришла к вам, не имеет отношения к его кончине. Скорее это имеет отношение к его жизни. Вы и правда беретесь за все дела, невзирая на этическую сторону проблемы?

– Хотелось бы знать, что вы понимаете под «этической стороной проблемы», Ирина Романовна, – сказал Родион. – Людям нашей профессии сложно говорить об этической стороне. Конечно, мы работаем в рамках закона, если вы об этом. Функции киллеров не выполняем, подставы не устраиваем. Но все, что связано с расследованиями любой степени сложности, – это наша работа.

– Тогда мне именно к вам, – медленно выговорила она. – Не в милицию же идти с таким...

– А в чем, собственно, дело?

– Я не принесла это сюда. Необходимо, чтобы вы, Родион... простите, не знаю вашего отчества... проехали вместе со мной.

– Куда?

– Ко мне домой.

У меня мелькнула озорная мысль, что дамочка мучается хроническим недостатком личной жизни – благо муж-бизнесмен недавно преставился – и теперь собралась подрядить на это Родиона. К тому и все эти туманные разговоры об «этической стороне проблемы». Но, взглянув на босса, его лобастую кудрявую голову, покачивающуюся на тонкой шее над линией щупленьких плеч, едва сдержала улыбку: Ирина Романовна, как женщина состоятельная, могла бы найти себе утешителя и получше.

В плане внешности, разумеется.

Впрочем, мысленное озорство испарилось сию же секунду: Кравцова повернула ко мне голову и добавила:

– Или лучше вы. Мне рекомендовали вас как человека, который может выпутаться из любой, даже самой затруднительной, ситуации. К тому же вы женщина... я думаю, что мне легче будет показать... показать это... именно вам, Мария.

– А, вы знаете, как меня зовут? – отозвалась я. – Тем лучше. Да, вы правы: выпутываться из затруднительных ситуаций – это по моей части. Босс присутствует в конторе на правах мыслительного органа. Такая московская вариация на тему Ниро Вульфа.

Кажется, сказано это было достаточно легкомысленно, потому что Родион посмотрел на меня сурово и выговорил:

– Вы не могли бы объяснить поподробнее, Ирина Романовна, в чем дело? Я гарантирую вам строгую конфиденциальность. Ничто из сказанного вами не будет разглашено.

Она заморгала, а потом хрипло спросила:

– Курить... можно?

– Да, разумеется. Курите. Пепельница стоит справа от вас.

Она вынула из сумочки пачку сигарилл «Captain Black» и закурила, от чего по кабинету тут же распространился сладковатый запах крепкого ароматизированного табака.

– Мне сложно говорить, – произнесла она. – Но еще сложнее держать это в себе. Я должна знать, кто эта девушка и почему Марк держал ее в сейфе.

– Девушку? В сейфе? – с легкой ноткой недоумения произнес Родион. – Не волнуйтесь, Ирина Романовна, курите и рассказывайте все по порядку.

– Может, вам кофе? Или чего покрепче? – быстро спросила я.

– Нет, спасибо. Не нужно. – Она посмотрела сначала на меня, затем на Родиона, потом снова на меня, махнула рукой и сказала:

– А впрочем, немного коньяку я бы выпила. Правда, я за рулем, но... все равно.

Она выпила предложенного ей коньяка, докурила сигариллу и только потом начала говорить о том, зачем, собственно, приехала:

– Я так поняла, что мне не надо рассказывать о том, кто такой мой муж и как он умер.

– Ну... если нет никаких малоизвестных широкой общественности обстоятельств его смерти... – неопределенно протянул Родион, благо Ирина Романовна сделала продолжительную паузу.

– Никаких малоизвестных обстоятельств, – сказала та. – То, что было напечатано в газетах, соответствует истине. Мой муж умер естественным путем. Так что если вы подумали, что я хочу просить вас расследовать дело о его смерти... так это не так. Позавчера было девять дней. И позавчера же я открыла его сейф, который раньше никогда не трогала... Марк не позволял мне вторгаться в его дела. В этом сейфе... в этом сейфе были документы касательно его работы. Ну... вы понимаете...

– Понимаю, – сказал Родион. – Не нужно особой фантазии, чтобы понять, что может содержаться в личном сейфе преуспевающего бизнесмена.

– Ну вот, – продолжила Кравцова. – Эти документы... не имеют ни малейшего отношения к тому, что я нашла среди них. Там была пачка наличных... в фунтах стерлингов. Мой муж был помешан на британских дензнаках. Он использовал только фунты стерлингов. Не рубли, не доллары, не марки. Фунты стерлингов.

– И это вам кажется странным?

– Нет. Мне все равно. Хоть кувейтские динары. Станным мне показалось другое. А именно – то, что я нашла среди этих самых документов и пачек с фунтами стерлингов. Так вот, когда я сказала, что Марк держал «ее» в сейфе, я имела в виду не девушку. Видеокассету. Причем видеокассету профессиональную. Не такую, какие продают в магазинах – формата VHS, а именно профессиональную.

Родион приспустил очки на кончик носа:

– Почему вы так уверенно говорите? Вы понимаете в кассетах?

– Я в свое время работала на телевидении. Правда, в то время, когда я работала, была совсем другая техника, но у меня много друзей в этой сфере, так что я кое-что понимаю. Но дело не в этом. А в том, что именно содержится на этой кассете.

– Что же там содержится? – спросила я.

– Вот за этим... для этого, собственно, я и просила бы вас, Мария, проехать со мной.

И Ирина Романовна снова закурила.

Сверху послышался вопль проснувшегося Потапа, и Родион с заметно переменившимся лицом подпрыгнул на своем кресле и произнес поспешно:

– Поезжайте... поезжайте. Только нам надо оформить... э-э-э... юридически.

По всей видимости, мысли о проснувшемся чаде парализовали все лучшие профессиональные качества Родиона (на данный момент), и я в который раз прокляла то обстоятельство, что босс оказался таким истовым семьянином. Лучше бы по бабам мотался, что ли.

Тогда хоть ничто не смогло бы вытеснить из этой курчавой головы его профессиональных обязанностей.

Кравцова перевела на меня несколько недоуменный взгляд красноватых глаз и сказала:

– Юридически? Я должна подписать контракт?

– Да, двусторонний. Мы даем подписку о неразглашении, а вы обеспечиваете финансовую сторону и выплачиваете аванс. После этого мы едем к вам, и я начинаю заниматься этим делом, – отозвалась я, косясь на босса, который уставился на потолок и, по всей видимости, обращал мало внимания на происходящее в его собственном кабинете.

Сверху доносился плач несчастного создания с диким именем Потап...

* * *

Через четверть часа мы вышли из офиса и направились к припаркованной в нескольких метрах от него ядовито-желтой машине – дорожному кабриолету марки «Мерседес». Он был затянут черным тентом и радужно переливался, даже несмотря на полное отсутствие солнца. Новенький.

– Это подарок Марка, – ответила на мой немой вопрос Ирина Романовна. – Я всегда любила спортивные автомобили, хотя не особо похожа на гонщика. Он хотел подарить мне «Феррари», но я не допустила: слишком дорого и к тому же никак не подходит для наших раздолбанных трасс.

– Да уж, – сказала я. – На «Феррари» у нас не разъездишься. Разве что только не выезжать за пределы Садового кольца. Да и то...

И я взглянула на эту женщину, которая в полном несоответствии со своим возрастом и внешним видом любила кататься на дорогих и скоростных спортивных автомобилях. Да еще тяпнув рюмку коньяку.

Мы сели в машину и выехали из нашего двора.

– Мой муж был прекрасным человеком, – говорила Ирина Романовна по мере того, как мы преодолевали расстояние до ее дома (она в самом деле оказалась лихим водителем). – Он был очень деликатным, скромным, никогда не рвался к этой кричащей роскоши, которая сплошь и рядом встречается у наших нуворишей. Его чуть ли не заставляли приобретать те или иные престижные вещи: дескать, неудобно богатому человеку, вице-президенту крупной компании жить в жалкой четырехкомнатной квартире и ездить на старенькой «Вольво», которую может себе позволить едва ли не каждый торгаш с рынка.

– Он был спокойным человеком? – спросила я.

– Да, более чем. Спокойным и домашним. Редко выезжал из дома без особой на то надобности. По мере возможности, конечно. А таких возможностей – чтобы работать, не выезжая из дома, – у него было немного. Бизнес – штука злобная. Поедает все время, выпивает все соки.

«По большинству наших бизнесменов не скажешь, что бизнес выпивает из них все соки, – подумала я, – все как на подбор – кругленькие, розовенькие, гладенькие».

Но вслух я сказала совершенно иное – банально-примирительное:

– Да, большие деньги требуют больших жертв. К сожалению, это закон нашего времени.

Ирина Романовна вывернула руль направо и, не поворачивая ко мне головы, заговорила быстро и сбивчиво:

– Нет... я решительно не могу понять, откуда в его сейфе этот кошмар. Не может же быть, чтобы он хранил его просто так. Значит, это было важно для него... какая-то необходимость.

Мне уже начинает казаться, что не все так просто... что он мог умереть не своей смертью... мало ли что.

– Но ведь у него действительно было слабое сердце?

– Да... да.

– И врачи констатировали смерть от его остановки, и вы читали заключение экспертизы?

– Да, конечно. Я знаю, что Марк умер сам, своей смертью. Что никто его не убивал. Но после того, как я увидела кадры из этого... из этого ужаса... мне кажется, что не может так вот просто умереть человек, который хранит в своем сейфе... такое! – вырвалось у нее, и я аж похолодела, подумав, что в таком состоянии она может не справиться с управлением.

И дело будет закончено так и не начавшись.

– Так что же там на этой кассете? – спросила я.

– Вы знаете, Мария... там... там – порнография. Не совсем обычная, но – порнография. Я женщина без особых предрассудков и думаю, что нет ничего предосудительного в том, что мужчина держит кассету такого содержания... но...

– Правда, странно, что он держал ее в сейфе, – сказала я. – Порно. Н-да...

– Но, как я говорила, это не совсем обычное порно, – произнесла Ирина Романовна. – Я не помню, как называется фильм... есть такой очень популярный фильм, где действует на редкость миролюбивый герой, который перекрошил двадцать человек... впрочем, это неважно.

– Да, я поняла, о чем вы.

– Там есть такой эпизод, – продолжала Ирина Романовна, – после того, как главный герой перекрошил этих... двадцать человек, один жирный америкашка смотрел порно... с истязаниями. Садомазохизм, если можно так выразиться... но, мне кажется, та девушка, с которой там снимали эпизод... кажется, она делала все не по контракту и не по собственному желанию.

– Я поняла, какой эпизод вы имеете в виду. Жесткое порно с садистским уклоном. Вероятно, там только разыграно насилие.

– А вот на той кассете, – горячо перебила меня женщина с белым лицом, – вот на той кассете – уверяю вас – не разыграно! Такое не разыграешь! И тем более... тем более это лежало в сейфе моего мужа!

Я только покачала головой.

...Квартира Кравцовых находилась в недавно отстроенной высотке с автостоянкой, обнесенной высокой чугунной оградой. По всей видимости, Марк Олегович вселился сюда относительно недавно: дому не было и года.

Нет надобности описывать подъезд и квартиру Ирины Романовны: это было типичное «новорусское» жилище, со всеми приличествующими тому атрибутами: консьержем и охранником в вестибюле, покрытом ковром, лестницами, сплошь застеленными ковровыми дорожками и заставленными кадками с пальмами; в квартире, шикарной, двухуровневой, с неисчислимым количеством комнат – картины, скульптуры, золото, белая кожаная мебель и люстры, которые, вероятно, делали на заказ или попросту стырили из какого-нибудь дворца под Питером.

– Вы живете тут одна? – осторожно спросила я.

– Нет. Еще есть две горничные, охранник и... м-м-м... – Она замялась, а потом взмахнула в воздухе рукой и произнесла – Борис Сергеич, вы где?

– Ира?

Из смежной комнаты к нам вышел высокий седеющий мужчина моложавого вида, стройный и подтянутый, в черных брюках и белой рубашке с закатанными рукавами. В руке он держал сигару.

Увидев меня, мужчина приподнял бровь и вопросительно проговорил:

– Ирина Романовна?

– Это Мария... та самая...

– Мария Якимова, – представилась я. – Я из детективного агентства «Частный сыск».

– Вы все-таки решились на это, Ирина Романовна? – сказал мужчина, и в голосе его прозвучало неодобрение.

Та уселась в кресло и, налив себе вина из большой фигурной бутылки, перевитой золотистой проволокой, произнесла:

– А что мне делать, если... если я потеряла сон? Если я так вообще жить не могу? Вы же сами соглашались со мной, Борис Сергеевич.

– Соглашался, – сказал он и повернулся ко мне: – Меня зовут Борис Сергеевич Теплов. Я старый друг и адвокат покойного Марка Олеговича. Вице-президент столичной гильдии адвокатов, – после некоторой паузы внушительно прибавил он. – А вы, значит, и есть та самая знаменитая Мария из «Частного сыска»? Мне приходилось слышать про вас от общих знакомых.

– Общих знакомых?

– Или, скажем так, людей, которые прибегли к вашим услугам и счастливо разрешили с вашей и уважаемого Родиона Потаповича помощью свои проблемы. Мария Якимова... интересно. Интересно.

– Вы находите что-то интересное в моем имени и моей фамилии? – прищурилась я.

– Совершенно справедливо изволили заметить. Точно так же, как вас, звали одну известную особу. Я думаю, вы о ней слышали. Она тоже носила имя Мария. И ее отца звали Иоаким. Или Яким, по-русски. То есть, если именовать ее по старорусской традиции, – Марья Якимова.

– Кажется, я понимаю, о ком вы говорите, господин Теплов, – сказала я. – Мария... Иоаким. Вы имеете в виду деву Марию, не так ли?

– А вы догадливы.

– Это профессиональное. Но, мне кажется, Борис Сергеевич, мы несколько отклонились от темы. От основной темы нашей встречи.

– Нам следует пройти в кабинет Марка, – хрипло произнесла Кравцова, допив все вино, что она налила в бокал. – Он заперт, ключ я всегда ношу с собой.

И она, расстегнув две верхние пуговицы блузки, сняла с шеи золотую цепочку, на которой висел – словно распятие, или «гимнаст», как говорят многие «новые русские», – ключ весьма прихотливой формы. Такой сложно подделать. По всей видимости, Марк Олегович Кравцов знал, какой замок следует врезать в дверь своего кабинета.

– Следуйте за мной. И вы, Борис Сергеич.

Теплов окинул меня чуть насмешливым взглядом и пристроился вслед за мной.

Мы вошли в просторный темный кабинет, два больших окна в котором мало того, что были закрыты жалюзи, так еще и затянuty тяжелыми плотными портьерами. Центром кабинета являлся огромный рабочий стол, на котором стояли открытый ноутбук, тяжелая хрустальная ваза и большой канделябр с толстыми свечами. Рядом с канделябром стояла стопка водки, прикрытая ломтиком черного хлеба.

Ах, да, недавно же было девять дней.

– Вы в святая святых моего мужа, – сказала Ирина Романовна, зажигая свечи. – Сюда был ограничен доступ даже мне. Только Борис Сергеич мог входить сюда в любое время дня и ночи.

– Да, мы с Марком старые друзья, – просто сказал Теплов, а потом добавил с заметной горечью:

– К сожалению, были старые друзья.

Кравцова обогнула стол и, отдернув занавеску на стене (по всей видимости, покойный нефтеторговец питал к последним слабость, поскольку вся квартира была заполонена разнокалиберными занавесями, портьерами, шторами и шторками, придавшими жилищу Кравцовых довольно мрачный колорит), представила моему взору тускло блеснувшую в отсветах свечей дверцу металлического сейфа.

– Вот тут мой муж хранил самые важные документы, – сказала Ирина Романовна. – Тут тройная система защиты, какое-то еще дополнительное кодирование... в общем, я в этом ничего не понимаю и кодов не знала. Так что если бы не Борис Сергеевич... Оказывается, сейф открывался не напрямую, а через компьютер. Сейчас многие так делают, правда, Борис Сергеевич?

– Совершенно верно, Ирина Романовна, – сказал тот. – Надо сказать, что всей системы декодирования Марк Олегович не доверял и мне, и сейф мы открыли, можно сказать, по счастливой случайности.

– Кто это – мы? – спросила я.

– Я и Борис Сергеевич, – услышав нотку недоумения в моем голосе, отозвалась Кравцова. – Ему я доверяю полностью, так же, как и мой покойный муж. Мы вместе ознакомились с содержимым сейфа. Лучше бы мы этого не делали! – вырвалось у нее. – Тогда бы я хоть спала спокойно!

Борис Сергеевич пристально посмотрел на нее, потом перевел взгляд своих выразительных темных глаз на меня и проговорил:

– А вы, Мария? Вы уверены, что будете спокойно спать после того, что вам предстоит увидеть? То есть я хочу спросить: вы уверены в крепости своих нервов? Только не говорите, что стальные нервы – это у вас профессиональное. Мне приходилось знать таких зубров сыска, до которых, я так полагаю, вам еще далеко, но имеющих тем не менее до предела расшатанные нервы и страдающих психическими расстройствами, из них бессонница – самое невинное заболевание.

Я передернула плечами:

– Если вы можете говорить такое, то почему бы вам не обратиться к этим самым зубрам, которые, как вы тут только что сказали, много превосходят меня в деле сыска?

– Я вообще ни к кому не хотел обращаться, – сухо сказал Теплов. – Это Ирина Романовна настояла.

– К чему тогда все эти душеспасительные разговоры? – я еле заметно усмехнулась. – Мы подписали соглашение, и теперь поздно говорить о том, чтобы идти на попятную. Показывайте вашу кассету, Ирина Романовна.

Она провела рукой по белому лицу и выдохнула, не глядя на меня:

– Ну ладно... только вы помните, Мария, что никому... никому.

Глава 2

Теплов включил ноутбук и быстро ввел серию кодов доступа. Ирина Романовна подошла к сейфу и открыла его. Бросила на меня через плечо быстрый настороженный взгляд – как бы последняя проверка перед демонстрацией кассеты, про которую мне прожужжали все уши, – а потом вынула ее из сейфа.

Это была обычная кассета. Я не могла сказать, отличалась ли она от бытовых видеокассет или нет: это определенно не мой конек. Впрочем, насчет этого можно было проконсультироваться.

– Вы будете смотреть это одна, – сказала Ирина Романовна. – У меня нет никакого желания просматривать все это вновь... нет. Мне нужно переговорить с Борисом Сергеевичем, а вы... вы пока устраивайтесь. В комнате через стенку с кабинетом Марка. Там установлен домашний кинотеатр. Вы умеете им пользоваться, конечно?

– Да, – подтвердила я.

– Тогда располагайтесь. Я думаю, что получаса вам вполне хватит. По сути, там есть только один по-настоящему кошмарный кадр. Все остальное... – Кравцова содрогнулась и, повернувшись к Борису Сергеевичу, спрятала свое лицо у него на груди.

– Идите, Мария, – спокойно сказал тот. – Кассета отмотана до нужного места. Вы сразу поймете, о каком именно кадре говорила Ирина Романовна.

* * *

Надо сказать, что многочисленные предупреждения Теплова и Кравцовой оказали на меня вполне определенное действие: я готовилась просмотреть кассету с таким чувством, словно мне предстояло ознакомиться с кинохрониками ада.

В комнате, которая в самом деле была оборудована как домашний кинотеатр, я поставила кассету на воспроизведение и приготовилась услышать жуткие вопли и отчаянные мольбы о помощи.

Ничего подобного.

Ничего подобного я не услышала. Да и увидела я совсем иное, нежели то, что ожидала увидеть.

...Сначала я не поняла, что, собственно, оказалось у меня перед глазами. Камера оператора, отснявшего кассету, запечатлела просторный каменный коридор: с правой стороны была простая деревянная лестница на второй этаж, а с левой начинался длинный полутемный тоннель, при одном взгляде на который мне сразу стало жутко. Конечно, я уже была «подогрета» Тепловым и Кравцовой, но тем не менее, тем не менее...

Работа оператора была уверенной, чувствовалась рука мастера. Кадр выхватил арочное пространство идущего под землю тоннеля, и я увидела несколько решетчатых дверей, за которыми была тьма. Впрочем, мне почудилось раз или два, как из этой тьмы сверкнули глаза... да, жутковатый антураж, ничего не скажешь.

Но это было еще ничего.

Коридор на экране заколыхался под непрестанно давящую на мозг мрачную тягучую музыку, завернул налево и обернулся довольно просторным помещением с каменными стенами. Из мебели в нем наличествовали только продолговатый стол, застеленный красным бархатом, длинная деревянная скамья у дальней стены и табурет возле стола.

Комната была прекрасна освещена, несмотря на то что, судя по всему, съемки происходили в полумраке.

По всей видимости, осветитель был профессионалом высокого класса.

Качество же съемки было таким, что сравнивать его с обычными подслеповатыми, хрипящими и сипящими «порношедеврами» – это все равно что сопоставлять совковую коммуналку с теми апартаментами, в которых я в данный момент находилась.

В кадре крупным планом показали продолговатый стол, накрытый красным. На столе же между двух свечей стояло... распятие. Возле него лежало Евангелие.

Евангелие?!

За столом сидели двое. И меньше всего они были похожи на традиционных участников порносъемок. Потому что на этих двоих были белые одеяния с капюшонами, совершенно скрывающие их тела и лица.

Черт!

...Кажется, мне понятно, что изображают эти замечательные кинематографисты.

Это – суд инквизиции. Вот откуда этот мрачный готический антураж, эти одежды с капюшонами, похожие на саваны, эти распятие и Евангелие на столе. Да. По всей видимости, секс-тусовки на Гавайях и Карибах, а также всяческие легковесные порнофильмы изрядно поднадоели потребителям. Потянуло на экзотику и средневековый колорит.

Интересно, какое порно можно выдоить из суда католической инквизиции? Вообще слово «суд» само по себе может сделать пожизненным импотентом.

В этот момент на экране в комнату вошел огромный человек в просторной одежде из грубо выделанного холста и в холщовом же колпаке палача с прорезями для глаз. Стилизация под средневековье.

Одежда была без рукавов, мощные руки с бугристыми предплечьями и мощными бицепсами были обнажены. На левом плече я заметила татуировку, имевшую вневременной контекст: заходящее за облака глазастое солнце (да, с двумя широко раскрытыми глазами). Тогда как, скажем, традиционные тату-надписи типа «Вася» и «Не забуду зону, бля» на плече средневекового палача показались бы полным анахронизмом.

В руке амбал держал большой нож, который как две капли воды походил на тесак мясника. Разве что только не был еще перемазан в крови.

Другой рукой он держал за волосы девушку. Обычная девушка. На ней было светло-желтое платье, на ногах – легкие плетеные туфли.

За кадром послышалось преувеличенно гнусавое пение, а потом один из инквизиторов обратился к девушке с коротким вопросом... Впрочем, это было все, что я могла извлечь из шевеления его губ. Голос был начисто стерт.

Зато прозвучавший в ответ голос девушки был настолько ясен и четок – словно она не была отделена от меня временем и тайной, а находилась в двух метрах за чуть приглушающим звуку стеклом, – что я невольно вздрогнула:

– Я готова признаться во всем.

Мужчина в одежде палача медленно повернулся к «инквизиторам» и сделал какой-то маловыразительный жест, который тем не менее заставил одного из них подняться и подойти к девушке.

Акустика в инквизиторской камере была еще та: даже шепот ухаёт тяжелым молотом и ударяется в стены, раз за разом отскакивая от них тусклыми затухающими отголосками.

«Инквизитор» поднял девушку за подбородок и что-то произнес – только шевелились губы, – а она ответила, и ее губы показались мне слишком яркими во всей этой мрачной комнате с толстыми каменными стенами, крошечными зарешеченными окошечками под самым потолком и контурами белых балахонов. Инсценировка, кстати, очень приличная. И если бы я могла слышать голос «инквизитора», то я, без сомнения, должна была бы сказать про этот голос: он профессионально поставлен. По крайней мере, все остальное сделано на хорошем кинематографическом уровне.

Наверняка делали не самоучки, а работники кино.

... Яркие губы дрогнули, шевельнулись и произнесли:

– Я во всем сознаюсь, синьор Торквемада.

Вот она, по всей видимости, не была профессиональной актрисой: слова эти прозвучали не так, как следовало бы в тональности данного эпизода. Впрочем, я не Станиславский, чтобы говорить: не верю.

Тот, кого называли «синьором Торквемадой» (где-то я слышала уже это звучное имя), провел рукой по щеке девушки, а второй «инквизитор», более высокий и не такой широкий в плечах, вдруг одним коротким резким движением повалил на пол девушку, сорвал с нее одежду и...

Более изощренного, изобретательного и профессионально снятого насилия я не видела.

У меня был один знакомый, который в свое время работал экспертом по порнографии. Да-да, была в советское время, да, кажется, и сейчас есть такая должность в органах. Он просматривал фильмы и на основе тех или иных признаков квалифицировал их как порнографию или же эротику. Различие было не только эстетическим и этическим, но и уголовно-процессуальным: за «порно» накручивали срок. Так вот... думаю, что и ему едва ли довелось на своем экспертно-криминалистском посту видеть то, что происходило сейчас на большом экране домашнего кинотеатра с этой девушкой. Двое «отцов-доминиканцев» в основном смотрели, почти не принимая активного участия... все делал один – грубое, жуткое животное в колпаке палача, с жирными волосатыми руками и выступающим вперед массивным брюхом.

... По всей видимости, девушка не играла испуг. Она не была профессиональной актрисой и не обладала особыми актерскими данными, как я уже заметила, так что явно не смогла бы так ярко и натурально сыграть боль и ужас. Нет... она на самом деле испытывала боль и ужас.

Я почувствовала, как у меня начинает кружиться голова. Нет, не от возбуждения (многих женщин порносцены возбуждают). От ярости и от ненависти. Все напоминания Ирины Романовны и холодные слова Теплова (не по фамилии тон выдерживает) всплыли в мозгу. По спине струился липкий холодок, сцепленные ладони вспотели и конвульсивно переплелись пальцами.

Но самое жуткое было впереди.

Первый «инквизитор» (я не особо верующая, но все равно – это имеет отношение к церкви, и потому вдвойне страшно) наконец вступил в дело. При этом он не открыл своего лица. Через две минуты он, не отстраняясь от партнерши, поднял распятие и ударил им девушку по голове, я отчетливо услышала глухой звук этого удара. Та упала, и тогда «палач» схватил девушку за волосы и поднял в воздух.

Я хотела прикрыть глаза, но не смогла...

Из горла несчастной жертвы вырвался какой-то сиплый крик, и тогда второй инквизитор (не тот, кого называли «Торквемадой») выхватил у «палача» его мясницкий нож и, запрокинув девушке подбородок, полоснул лезвием по нежному горлу.

Раз и другой.

Вопль был жуток, и он оборвался еще более страшным клокочущим хрипом. Обнаженное тело конвульсивно выгнулось, упало на каменный пол, огромный жирный палач встал на грудь жертвы обеими ногами – и из распоротого горла вырвался фонтан крови, веерно взрезал пространство этого проклятого каземата и...

Я зажмурила глаза и, машинально нажав на пульте первую попавшуюся кнопку, запрокинулась в кресле, чувствуя, что меня вот-вот стошнит. В глазах помутилось. Нет, я не боялась крови, мне много раз приходилось чувствовать и видеть ее... как говорится у Блока: «...и вкус ее, и цвет, и душный, смертный плоти запах». Мне довелось убивать. Но убивать в честном поединке, и убивать людей, которые по свирепости своей мало чем отличались от зверей.

Но тут... Господи, и они еще использовали святое распятие в качестве... нет, об этом грешно даже думать! Какие... какие... нет слов для этих гнид, этих тварей; нельзя поверить,

что их родила такая же женщина, как та, которую они только что зверски умертвили, перед этим надругавшись в самой извращенной и гнусной форме.

Нет, это не кино... Это в самом деле – кинохроника ада. Только, наверно, хозяин преисподней – само воплощение милосердия на фоне этих... «инквизиторов»!

Во мне самой сидел зверь. Кошка, хищная кошка. Пантера. И стоило судьбе поставить меня на грань небытия, на грань безумия и в шаге от смерти – и эта кошка пробуждалась. Вспыхивали желтоватые глаза, из мягких подушечек на лапах мягко выныривали смертоносные когти, и звериный нюх неотвратимо подхватывал летящий по ветру запах борьбы и крови. Но это – только тогда, когда иного выхода не было, когда вскипало подсознание, как потревоженное подземное озеро, разбуженное судорогами недр. Зверь просыпался во мне только тогда, когда это было действительно необходимо, и я не могла разбудить пантеру прямым волевым усилием.

Но даже то существо, которое дремало во мне и которого я боялась куда больше самых страшных врагов, когда-либо попадавших мне на моем пути, – даже это существо не могло поспорить в свирепости и бессмысленности проливаемой крови с этими... этими «инквизиторами». Пантера по сравнению с ними показалась бы просто мурлыкающим домашним котенком.

Торквемада... Торквемада.

За спиной бесшумно растворилась дверь, и слышались мягкие вкрадчивые шаги. И пусть я была в полузабытьи, но едва различимый звук этих шагов мгновенно стряхнул оцепенение.

Я обернулась и увидела Теплова.

Он стоял у двери и смотрел... нет, не на меня. Поверх моей головы. Туда, где располагался экран...

Я повернула голову и увидела... Нет.

Экран не был выключен. Вместо полной остановки воспроизведения я нажала стоп-кадр.

Стоп-кадр – на огромном экране необычайно четко застыла картинка: на каменном полу, запрокинув искаженное мукой лицо и забросив за голову руки, лежит девушка, на ее груди стоит огромный грязный мужик, и под тяжестью его мерзкой туши из горла девушки выросло тонкое алое дерево. Тонкое, хилое, оно тянулось к потолку, словно желая врасти в него и прогрызть себе дорогу к свету и небу. Как молодая весенняя трава ломает жесткий мертвый асфальт в радужных бензиновых разводах – и окунается в настоящую радугу.

Стоп-кадр смерти.

– Вот об этом я и говорил вам, Мария, – спокойно сказал Теплов, уже не глядя на экран. – Вот оно – то, что не отпускает Ирину Романовну ни на минуту. Это сложно стереть, запрятать на самое дно памяти, не правда ли?

– Да, – пробормотала я. – Это правда.

– Ведь вы посмотрели только пять минут из полуторачасового фильма. Конечно, эти пять минут – самые жуткие. Но это полноценный фильм с сюжетом из средневековой истории и девушкой, которая имела несчастье попасть к инквизиторам. Вот так.

– Кто такой Торквемада?

– А-а, ну да. Томас Торквемада – великий инквизитор веры. Я уже посмотрел в справочнике. Конец пятнадцатого века, если мне не изменяет память. Вот инсценировочку по тем милым временам нам и представили. – Несмотря на свое редкое самообладание, он снова посмотрел на экран, и по его монументальному корпусу пробежала дрожь. – Надо сказать, что вы на редкость удачно выбрали стоп-кадр, Мария. Еще эффектнее это смотрелось бы при поккадровом воспроизведении... фу ты, черт!

И он, бледный, уселся на диван и, перехватив у меня пульт дистанционного управления, стер ужасный кадр с экрана.

Впервые за последние несколько минут я получила возможность перевести дыхание. Моя работа не располагает к особой чувствительности, но на этот раз меня откровенно проняло: в горле встал сухой колющий ком, мешающий дышать, и только после того, как я несколько раз судорожно сглотнула, массируя шею, и трижды глубоко вздохнула, он ослабил свои тиски.

– Это жутко, – наконец сказала я.

– Конечно, если это не монтаж и не компьютерные штучки, – проговорил Теплов. – При нынешнем-то развитии кинематографических технологий... Но Ирина Романовна почему-то упорно считает, что это – настоящее убийство.

– Мне тоже так показалось, – уже более или менее спокойно сказала я. – Хотя любую гипотезу следует проверить.

– Значит, вы все-таки решились на проведение расследования?.. – произнес Борис Сергеевич полувопросительно-полуутвердительно.

Я кивнула:

– Контракт подписан. Кроме того... кроме того...

– Что?

– Кроме того, если подозрения Ирины Романовны подтвердятся и девушку на самом деле убили... что ж, мне хотелось бы взглянуть в глаза тем выродкам, которые это так хладнокровно сделали.

– Вы еще не досмотрели этот эпизод до конца, – гулко выговорил он, по всей видимости, тоже попав под сильное впечатление от увиденного. – Там есть...

– Хватит! Я просмотрю всю пленку! А сейчас – прошу вас, Борис Сергеевич, не надо! Я...

Именно в этот момент за моей спиной раздался тихий, чуть заплетающийся голос Кравцовой:

– Я так понимаю, вы уже посмотрели... да, Мария? Вот этот вот... маленький эпизод?

Я повернулась и тут же поняла, что хозяйка дома успела изрядно захмелеть. По всей видимости, нервное напряжение не отпускало ее ни на минуту, и она старалась смягчить его традиционным в России способом: алкоголем.

– Я заберу эту кассету с собой, – заявила я. – Вы можете не волноваться, у нас в офисе есть надежный сейф, откуда ее никто не сумеет взять. Даже если очень захочет.

– Берите, – тускло уронила Кравцова.

– Но это еще не все. Мне нужна информация о вашем муже. Какие-нибудь семейные хроники, видеозаписи, фрагменты деловых встреч. Ведь у вас есть?

– Зачем это вам?

– Я хочу понять, какое отношение могут иметь пристрастия и привычки Марка Олеговича к... к этой кассете.

Ирина Романовна подняла на меня глаза, и в ее взгляде блеснул недобрый огонек. Я поспешила предупредить возможные нелицеприятные слова:

– Нет, я вовсе не хочу сказать, что Марк Олегович имеет отношение к этому... чудовищному видео. Просто я же должна как-то увязать наличие этой кассеты в его сейфе с содержанием этого... фильма.

– Постарайтесь сделать это, не оскорбляя памяти моего покойного мужа, – холодно сказала Кравцова, запнувшись на самом величавом месте своей тирады: «...памяти моего покойного мужа», а потом откровенно сникла и добавила почти жалким тоном: – Не надо меня... не надо меня осуждать, Маша. Не дай вам бог когда-нибудь оказаться на моем месте.

«Это точно», – подумала я.

* * *

От дома Кравцовой – почти до офиса – меня довез Борис Сергеевич Теплов. Надо сказать, что на его счет я не питала ни малейших иллюзий: по всей видимости, этот близкий друг покойного нефтеторговца, этот «друг семьи» был любовником госпожи Кравцовой, дамы в летах, но тем не менее вполне и вполне женственной – и, надо думать, требующей соответствующего отношения со стороны мужчин.

Я не рискнула спросить у заведенной и уже находящейся изрядно подшофе Ирины Романовны о том, каков был ее покойный супруг с чисто мужской точки зрения. Или (если формулировать более скромно) – с точки зрения исполнения супружеских обязанностей.

Вопрос этот, если увязать его с обнаруженной в сейфе Кравцова отвратительной кассеткой, мог оказаться весьма полезным: люди, страдающие сексуальными расстройствами, часто оказываются во власти самых чудовищных отклонений.

По всей видимости, так же рассуждал и Теплов, когда услышал мой более чем откровенный вопрос:

– Марк Олегович был ваш близкий друг. Он никогда не говорил с вами о своей интимной жизни? Насколько я знаю, между мужчинами такие разговоры приняты.

– А у женщин – нет? – насмешливо отозвался он. – А на вопрос ваш легко ответить. Марк не говорил со мной о своей личной жизни, поскольку ее, этой самой жизни, у него, по сути дела, не было. Он был трудоголиком. Знаете, что это такое, нет?

– Знаю. Мой шеф – трудоголик. Не может сидеть на месте без дела.

– Кравцов был самым что ни на есть ярко выраженным трудоголиком. Работа отнимала у него пятнадцать, а то и восемнадцать часов в сутки. Так что ни о каком интиме и речи быть не могло. К тому же я не был таким уж близким другом, чтобы вот так, за чашечкой кофе или за рюмкой коньяка, беседовать, как говорится, «за жисть». Кравцов вообще к посиделкам расположен не был: кофе ему нельзя было пить из-за слабого сердца, алкоголь же он и вовсе на дух не переносил.

– Понятно, – протянула я.

Борис Сергеевич покосился на меня и произнес:

– Да уж не хотите ли вы, многоуважаемая тезка девицы Марии, выдумать какую-нибудь версию, по которой Марк Олегович оказывается сексуальным маньяком и смотрит порнофильмы с реальными убийствами, от которых даже самых жутких извращенцев набор сворачивает? Если так, то грош вам цена как детективу, госпожа Якимова.

– Ну хорошо. А как вы сами объясните, что видеокассета с таким содержимым хранилась в сейфе Марка Олеговича? Ведь он считал ее очень ценной, иначе не стал бы класть среди самых важных бумаг и кругленькой суммы британского нал. А, Борис Сергеевич?

– У меня нет версии, – сухо ответил он. – Я сам был поражен, когда увидел, что там записано. Да уже сам факт того, что в сейфе Марка лежит какая-то видеокассета – уже одно это меня насторожило!

– И это говорите вы, единственный из всех имевший доступ в кабинет Кравцова?

Теплов медленно повернул голову и рассмотрел – нет, скорее ощупал, утрамбовал меня холодными и неподвижными темными глазами. Выговорил:

– Я могу расценивать эти слова только как глупую шутку или же – гнусный намек. Впредь воздержитесь от таких суждений... Мария. Да, вот уже и Сретенка. Там, за этими домами, ваш офис. Всего наилучшего.

Глава 3

Родион сидел в своем кабинете и с умным видом рассматривал какие-то фотографии. Я подумала было, что это материалы к какому-либо ведомому нашим агентством делу, но тут же оказалось, что это фотографии... правильно, драгоценного чада моего босса.

При моем появлении он улыбнулся и протянул мне широкоформатную фотографию из числа тех, которые он любил вешать на стену в своей спальне, и с умильной улыбкой выговорил:

– Вот, погляди, Мария... правда, Тапик удачно тут вышел?

– Удачно, – пробурчала я, даже не взглянув на фотографию. – И вообще... с меня уже хватит кино-, видео- и фотопродукции.

Родион вскинул на меня глаза и насторожился, очевидно, услышав в моем голосе редко проскальзывающие металлические нотки.

– Значит, дело серьезно? – быстро сказал он. – Эта нервная дамочка говорила не напрасно?

– Это в самом деле кошмар. Кошмар...

Умильное выражение примерного семьянина давно уже исчезло с лица Родиона; напряжение превратилось в цепкое, неослабное, тревожное внимание, а в глазах сверкнули искры – верный признак проснувшегося интереса к делу.

– Серьезная кассетка, значит?

– Более чем.

– Ладно, пойдем смотреть.

– Я думаю, что тебе стоит сделать это в одиночку. Сам поймешь, почему.

– Ну...

– Без всяких «ну», босс. Иногда полезно и послушать совета подчиненного. К тому же, – я вымученно улыбнулась, – к тому же ты сам выгонишь меня после первых же двух минут просмотра.

Родион посмотрел на мое бледное лицо, кивнул и вставил кассету в видеомэгнитофон.

Я поспешно вышла...

* * *

Когда через час Родион вызвал меня по внутренней связи коротким «Зайди», я поняла, что он ошарашен как никогда в своей жизни. Судя по времени, он просмотрел почти весь фильм, а не как я – лишь эпизод, правда, наиболее впечатляющий.

Он сидел на корточках перед экраном телевизора, уже переключенного с видеоканала на новости, и рассеянно комкал в руках какую-то бумажку. При ближайшем рассмотрении в этой бумажке я узнала клочок той самой фотографии младенца Потапа, которой Родион так призывал меня восхититься час назад.

Лицо босса было мертвенно-бледно, на лбу выступили капельки пота. Он окинул меня отсутствующим взглядом и поспешно произнес:

– Садись.

И почему-то указал место рядом с собой прямо на полу.

– Это не монтаж, – полуутвердительно произнесла я, с сомнением вглядываясь в выражение лица босса.

– Не монтаж, – машинально подтвердил он. – Да... инквизиторы переворачиваются в гробу от зависти.

– И Кравцова, и Теплов, друг покойного и его адвокат, убеждены, что нахождение этой кассеты в сейфе Марка Олеговича не может быть объяснено какими-то... сексуальными и психическими отклонениями Кравцова, – выговорила я. – Хотя такое предположение просто напрашивается.

– Да... – пробормотал Родион. – В самом деле. А снято-то как, черт побери! – вырвалось у него.

– Да, снято профессионально, – угрюмо подтвердила я. – С этой стороны не придерешься.

Босс дошел, нет, скорее дополз до своего стола и рухнул в кресло. Он никогда не был тяжел, напротив, я всегда упрекала его в том, что он слишком мало ест и оттого становится похож на дистрофика, даже несмотря на свой малоподвижный образ жизни (исключения составляли перебежки с этажа на этаж в целях снабжения своего наследника всеми жизненными благами). Но сейчас кресло буквально хрястнуло под тощей задницей босса. Он взялся руками за голову, потом закурил и снова взялся за свой мыслительный орган.

Я сохраняла молчание: по собственному опыту я знала, что в такие минуты лучше не мешать боссу раскидывать мозгами. Правда, однажды – именно в такой момент – он чуть не раскинул ими в буквальном смысле, когда по нас стреляли в окно с крыши соседнего дома. Босса спасло только то, что я, не желая мешать ему даже устремленным на него пристальным взглядом, отвернулась к окну и увидела блеск оптического прицела, на который счастливо упал луч солнца. Но будь моя реакция чуть помедленнее, а толчок, которым я свалила нашего московского Ниро Вульфа на пол, чуть слабее – раскинулись бы мозги Родиона Потапыча по всему кабинету.

...Наконец Родион поднял на меня глаза и сказал:

– Есть два пути решения проблемы. Одно дополняет другое. Во-первых, нужно идентифицировать ту девушку. Качество записи приличное...

– Более чем приличное, – вставила я.

– Да. Так вот, фото этой девушки нужно распечатать, а потом я свяжусь с моими знакомыми из ФСБ, попытаюсь пробить краткосрочный доступ к базе данных по Москве и Московской области...

– А если эта девушка не из Москвы? – проговорила я.

– Вот если не из Москвы, то и будем думать, – довольно нескладно отметил Родион Потапыч. – А пока что стоит пошарить в данных по пропавшим без вести в последние три-четыре месяца... нет, полгода... потому что я не думаю, что происшедшее и запечатленное на пленке произошло раньше.

– Почему? – уточнила я.

– Там есть интересный момент... когда оператор показывает вид из окна. Насколько я могу понять, на дворе лето или поздняя весна. А сейчас – начало осени. Едва ли съемка относится к прошлому году... одним словом, отсюда можно заключить, что все это происходило три-четыре месяца назад, не более. Хотя... – Босс поскреб в голове. – Хотя совершенно очевидно, что девица могла числиться пропавшей без вести бог знает с какого срока. Сколько сейчас в Москве лимитчиц, которые удрали со своей провинциальной малой родины и живут в Москве совсем под другим именем, а если и под своим, то не зарегистрированы, а если зарегистрированы, то вышли замуж и сменили фамилию...

Эта манера босса полемизировать с самим собой, расточая свое сомнительное красноречие по поводу и без оно, с некоторых пор начала раздражать меня в Родионе Потапыче. Раньше тягой к беседе с самим собой он особо не отличался. А переменился же он, – ну конечно, дорогие мои! – после рождения долгожданного первенца.

– Я думаю, босс, – произнесла я, – что вам все-таки придется связаться с драгоценными своими друзьями из ФСБ, угрозыска и прокуратуры, чтобы выяснить, кто такая эта девушка. Если это удастся сделать, то будет какая-то зацепка.

– Есть вторая зацепка, – сказал Родион. – Совершенно очевидно, что этот, с позволения сказать, исторический фильм снят профессиональными людьми, на серьезной студии и с применением приличной аппаратуры. Это же не какая-нибудь бытовая порнуха, которую можно снимать, имея в наличии творческий минимум: самую простенькую видеокамеру, пару шлюх да уголок жилплощади, на котором можно приткнуться. Тут работала целая студия. Я предлагаю вот что: ты пока что организуешь наиболее отчетливый портрет нашей... гм... потерпевшей – лицо, потом в полный рост... конечно, только без тех кадров. А потом сделаешь нарезку кадров из фильма – пропустив сама знаешь что – и поедешь на киностудию.

– Консультироваться со специалистами? И что они мне скажут? – скептически произнесла я.

– Ничего особенного они тебе, конечно, не скажут. И меньше всего следует рассчитывать на то, что они прямо сразу назовут тебе какие-то конкретные имена: оператора, режиссера... актеров этих милых... да-с...

– Понятно.

– А я пока займусь установлением личности этой девушки. Да... чуть не забыл! – Он повернулся ко мне и добавил:

– Просмотри семейный архив Кравцовых. Полюбуйся на Марка Олеговича. И на его окружение – тоже посмотри хорошенько...

* * *

Три следующих дня протекли в тягучих, изматывающих, бесплодных и бессмысленных поисках: Родион, который говорил о «краткосрочном» допуске к базе данных ФСБ, копался в громадных компьютерных архивах, стекающихся со всей страны, был зол и озабочен, волосы стояли дыбом, а рот кривился так, будто он раскусил лимон и никак не может избавиться от этого кислого привкуса. «Друзья из ФСБ», судя по скупым репликам босса на этот счет, нервничали не меньше его: допуская штатского и номинально совершенно чужого человека к ведомственному компьютеру, они рисковали получить дикий нагоняй от начальства.

Первый день в базе данных рылся эфэсбэшник Саша, он сцеживал информацию параллельно с вишневым киселем, который очень любил, но никак не мог добраться до той персоналии, что требовалась.

Время от времени компьютер выкидывал варианты девушек, до ужаса напоминающих нашу, но то фигура не совпадала, то лицо несколько не соответствовало данному, а то и просто: биография предложенной компьютером дамы вовсе не подходила под то, что требовалось, и оказывалось, что «пропавшая без вести» жива и здорова, живет по адресу такому-то «с серьезным, умным мужем», как говорится у кого-то из классиков.

Босс сам пробивал предложенные варианты, но на второй день явился в «контору», выбил себе пропуск и сел за компьютер, за день до того затерзанный эфэсбэшником Сашей. Два дня он рылся в данных со всей возможной свирепостью и упорством, какие только были отпущены на его долю богом. С большей свирепостью Родион Потапыч мог рыться только в собственной шевелюре, по которой давно плакала машинка парикмахера.

В то же самое время я, как загнанная землеройка, носилась по московским киностудиям, отлавливала каких-то странных, усталых людей и буквально заставляла их просматривать нарезку кадров из фильма, отражающих манеру съемки и игры актеров, но отнюдь не содержащую в себе описанные выше ужасы.

Только один толстый небритый мужчина, который, как оказалось позже, был знаменитым оператором, прищурился на кадры, где героиня идет по пристани с высоким парнем, по сюжету являвшимся ее любовником, обвиненным в ереси, и сказал:

– А... знаю.

– Что? – встrepенулась я, уже потерявшая надежду встряхнуть из этих кинематографических мужей что-либо более существенное, нежели профессиональные характеристики манеры съемки, освещения и выбора антуража, которые все равно мне ничего не говорили и к разгадке не приближали. – Что вы знаете?

– А вот этого парня, который с этой девчонкой идет, – отозвался он.

– И кто он?

– А он у нас в свое время работал... в массовке. И на эпизодических ролях два раза. Я его потому и запомнил, что у меня память на лица хорошая. А еще он тут пьянствовал со звуковым оформлением... в смысле, с ребятами оттуда... ну и... У нас его тут все знают... юмориста. Жванецкий недобитый. Меньше бы пил, – может, и вправду бы в люди вышел.

– А где он сейчас, вы не знаете?

Знаменитость пожала пухлыми плечами:

– Откуда мне знать? Уволили его. За дебош и профессиональное несоответствие. Может, спился и пропал, может, устроился где... на другой работе. Он вообще заводной парень был, артистичный.

Я перевела взгляд на экран, где в режиме стоп-кадра рядом с девушкой застыл высокий чернявый парень с ироничным смуглым лицом и ехидной улыбкой.

– Как его зовут? – быстро спросила я.

– А зовут его... – оператор поскреб лысину и пробормотал:

– Господи, да как же его зовут... м-м-м... Леночка, – повернулся он к вошедшей в комнату девушке с какими-то коробками, – как звали этого... веселого такого паренька, который, помнится, в позапрошлом году сорвал съемки какого-то ток-шоу, когда вломился в студию пьяный и стал утверждать, что он... принадлежит к старой русской аристократии и вообще... э-э-э...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.